

Терентій Травнікъ

ГРЯДЕТ ЭПОХА СВЕТОСЛОВЬЯ

Терентій Травнікъ

**Грядет эпоха Светословья.
Книга 1. Из цикла «Белокнижье»**

«Издательские решения»

Травнікъ Т.

Грядет эпоха Светословья. Книга 1. Из цикла «Белокнижье» /
Т. Травнікъ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839345-7

Книга стихотворений из поэтического цикла автора «Белокнижье». Автор делится своими наблюдениями и переживаниями. Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-839345-7

© Травнікъ Т.
© Издательские решения

Содержание

«Веры тонкая свеча – у меня в руке...»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Грядет эпоха Светословья Книга 1. Из цикла «Белокнижье»

Терентій Травнікъ

*...Рвутся к жизни
упрямо растущие крылья!
И неважно уже,
на какой из дорог,
В чьём жилище родиться
стихи поспешили,
Ведь стихам всё равно – в нищете ль,
в изобилье —
Где и как подойдёт их неведомый срок...*
Лара Чернышева

© Терентій Травнікъ, 2017

ISBN 978-5-4483-9345-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕМЬЯН УТЕНКОВ и ТЕРЕНТИЙ ТРАВНИКЪ, 2008 год

Demian Utenkov
Terentiy Travnikh

«Веры тонкая свеча – у меня в руке...»

Творчество Терентія Травніка, как всякого настоящего мастера, – это прежде всего создание собственного мира – мира не копирующего, а продолжающего, изучающего и дополняющего наше бытие. Да, этот мир похож на наш, а как же иначе: в нем те же и земля, и небо, поиски и потери, печали, любовь, вера... И в то же время он во многом иной, он – поэтический, он, можно сказать в нашем случае, – «травниковский». Порой более реалистичный, чем сама жизнь, ибо он увиденный, отмытый и донесенный до нас талантом, даром поэтического слова. В нем звучит непреходящее настоящее, в нем каждая строка и рифма выстраданы, пропущены через душу и сердце самого поэта.

Первое знакомство со стихами Терентія Травніка напоминает волшебство, чем-то схожее с печатанием фотографии. Читаешь его строки – и воображение само, безо всяких усилий, начинает «проявлять» этот новый, запечатленный душой автора мир. Созданные им образы с каждой секундой становятся все ярче, резче и насыщенней. Еще немного, еще несколько строк – и... вы полностью погружаетесь в иную, но хорошо знакомую реальность, а потом... А потом остаетесь в ней навсегда. Так приходят в нашу жизнь любимые артисты, художники, композиторы, так и в моей жизни появился поэт Терентій Травнікъ, о творчестве которого все мое дальнейшее повествование.

Терентій Травнікъ (Игорь Аркадьевич Алексеев) родился в Москве в июне 1964 года в родильном доме им. Г. Л. Грауэрмана, здание которого и по сей день находится на Новом Арбате. Все свое детство и юность он прожил вместе с родителями в «старой» Москве, неподалеку от ул. Плющиха, а точнее – на Ростовской набережной, в доме, который еще долго, аж до начала 90-х стоял на высоком левобережье Москва-реки, – доме, известном в истории как дом фабриканта Сушкина П. И., или проще – Сушкин дом, что на Мухиной горе.

Его отец, Аркадий Павлович Алексеев, родился и вырос на Плющихе, в годы ВОВ был определен в Свердловское суворовское военное училище, по окончании учебы служил в армии, а позже, уйдя в отставку, работал инженером-конструктором в КБ Томилинского завода и играл в любительском джазовом оркестре.

Людмила Георгиевна Алексеева (Филимонова), мать Терентія, родилась в Москве и жила со своими родителями Георгием Григорьевичем и Марией Васильевной в этом же доме. По окончании школы училась на юридическом факультете Московского университета им. М. В. Ломоносова.

Затем работала прокурором отдела в прокуратуре Московской области, а позже была избрана судьей Московского областного суда. Ныне она заслуженный юрист Российской Федерации.

Как вспоминает сам поэт, «первые строчки, похожие на стихи» он сочинил в четыре года. Они сохранились, и свой рассказ о Травніке я, пожалуй, начну с цитаты «похожих на стихи» строк:

Чайка над морем —
Лихо порхает,
Ой, как смеется
Мальчик Ваня...

Листок с написанным кривыми печатными буквами (с ошибками) четверостишием сохранила мама будущего поэта и вместе с его детскими пинетками подарила ему на... сорока-

летие со словами: «Пришло время пойти и дописать стихотворение...» Казалось бы, это всего лишь шутка, но года через три ее слова, действительно, сбылись и он – пошел...

Да так пошел, что из него буквально «полились» стихи – десятки и сотни четверостиший.

В 2007 году были изданы сразу три книги Травніка: «Cirquilleum», «Graffoslove» и книга стихов-песен «Сушкин дом на Мухиной горе».

В 2008 году в свет выходят еще несколько поэтических сборников. Прежде всего – это прекрасно изданная книга, плод совместного творчества Травніка со своим близким другом, замечательным московским графиком Александром Моисеевичем Хасминским, и, чуть позже, такие книги, как «Светец» – к пятидесятилетию освящения храма Святителя Николая в Бирюлево, книга, посвященная друзьям поэта – «Апреллиада» и, наконец, книга, проиллюстрированная акварелями самого поэта, а надо сказать, что он еще и хороший художник, «Тихий свет» – поэтическое путешествие по православной Москве.

Вот и вспомнилась мне эта история с первым стихотворением, подаренным ему мамой, вот и появилась у Терентія тропинка в удивительный мир словотворчества. Вслед за выходом книги была написана песня, где на музыку было положено стихотворение – воспоминание о той самой «чайке». Эта песня вошла в его музыкальный альбом «Три желудя на Плющихе». Поясню: не один десяток лет Травнікъ пишет песни и исполняет их под гитару. В этом альбоме песня представлена под названием «Бумажная чайка».

И, сделанный неважно,
Летит вперед отважно
Мой голубок бумажный,
Мой белый самолет.

И знаю я, что вскоре
Он станет чайкой в море,
И где-то мальчик Ваня
Ее в песке найдет.

Он принесет ее домой,
И станет чайка вновь живой,
А утром, когда солнце встанет,
вспенив море,
Он к сердцу белую прижмет,
Тайком на берег отнесет
И выпустит опять её на волю...

Конечно, Травнікъ и раньше писал стихи, хотя никогда не называл свое творчество «поэзией». Стихов было немало, были и поэмы, и пьесы в стихах, но что-то его сдерживало от отождествления себя с поэтами. Теперь, познакомившись с ним, я понимаю, что скорее всего это была некая врожденная скромность, нежели неуверенность в своих произведениях. К тому же тогда стихи были всего лишь частью его столь многообразного, сложного, многослойного мира, где умещались, боролись, вытесняли и дополняли друг друга краски, ноты, звуки, цветные и музыкальные образы. А поэзия... Поэзия в это время зрела в нем, ждала своего часа, накапливалась, искала выхода, грозила вырваться наружу и захлестнуть с головой. Он не говорил друзьям о своих стихах, считал, что просто делает «поэтические этюды, экспериментирует», что настоящая поэзия – это очень серьезно, это «действительно вершина творческой реализации, до которой надо идти дорогой длиной в жизнь».

Со слов самого Терентія, с русским языком в школе будущий поэт дружил неохотно, но, неожиданно для самого себя, в четвертом классе вдруг стал, как с улыбкой он мне признался, «временным отличником по русскому, как будто что-то услышал в себе и мгновенно понял и правила, и красоту языка». Травнікь вспоминает: «Я хорошо помню это замечательное время осознания». Позже он все-таки повернул к более любимым им точным предметам, и русский язык надолго «сдулся» до твердой четверки в четвертях.

«Так и осталась, – говорит он, – за сочинение дробь в пять четвертей, правда иногда сползающая до двух... четвертей. Так, например, в восьмом классе, когда я написал сочинение на всю тетрадь, а это двенадцать листов, и раскрыл тему по-своему, проэкспериментировал – воспел Илью Обломова как положительного героя, то заработал и того меньше, а именно два, деленное на два. Опыт провалился полностью. На мой вопрос к учительнице, почему „два“ за грамотность, где все тянуло на четверку, она спокойно пояснила: „Писать надо, Алексеев, как учат в школе, умничать потом будешь“. Теперь бы я с ней не спорил, а тогда возмущался, но все равно не возражал открыто. А это ведь была четвертная районная работа. Потом, помню, это долго обсуждалось в нашем классе. Я тогда был одним из лучших учеников в классе».

Еще в студенческие годы у Травніка вышли малыми тиражами такие сборники стихов, как «Неопубликашки» (1983), «Крик в Никуда» (1987), «Четверть века» и другие, но это были скорее сборники песен, написанных им для своей группы «Ноевъ Ковчегъ», созданной в 1979 году. В свое время Терентій учился в музыкальной школе по классу фортепиано.

Много позже, в 1990 году, крестный отец Терентія, его близкий друг и учитель, ныне покойный Михаил Леонидович Курганов, философ, поэт и публицист, предрек Травнику в одном из посвященных и подаренных ему стихотворений время начала поэтического взлета.

Пророчество сбылось год в год.

В своей книге «Апреллиада», вышедшей из печати в 2007 году, в стихотворении, посвященном Курганову М. Л. «Учитель Молоко» (а именно так звал Терентій своего друга: как он мне объяснил – по первым буквам, написанным через букву «о»), он напишет, вспоминая это:

Меня учил он мыслить сердцем,
А ум мой называл он школяром,
Не позволял топтаться мне на месте
И мысли путал, завязав узлом.

И я вгрызался в тот гордиев узел...
Но вот однажды, протянув мне меч,
Сказал он: «Слаб клинок для сечи...
но скоро будет резать – твоя речь.

Ты будешь голосом лечить
сердце людские.
И ровно через восемнадцать лет —
Зачавшийся сегодня в моей силе —
Взойдет на свет еще один поэт.

Для Травніка поэзия – это облачение в слово всего, что нас окружает. Как? Откуда берутся подобные стихи – он и сам вряд ли ответит на этот вопрос. Вероятно, эти стихи, как он сам заметил в нашей беседе, «случаются» или «приключаются, второе чаще». Как будто «кто-то во мне говорит, а я слышу и отвечаю, позже записываю их и потом особенно не правлю, так, разве что совсем немного». Да и он сам удивляется, откуда появляются эти строки, – «мне всегда было интересно, откуда во мне возникает музыка, изображение, строка. Теперь

я понимаю, что это прочувствованное и воссозданное переживание Божественной красоты. И чем больше ты подготовлен, тем ярче и выразительнее ты переводишь ее на язык человека с прекрасного и вдохновенного языка Творца».

Когда опыт души накапливается, то, смешиваясь с сердечной природой, он прорастает для поэта словом. Чем сильнее резонанс с сердцем, тем более вероятность правильной строки и рифмы.

Стихотворение для поэта – это не просто, по его же словам, «концентрированная проза», но и огромная ответственность за сказанное, это как «меткий выстрел навскидку». «Иногда, – делится он со мной, – мне кажется, что все стихотворение написано ради одной строчки, одного мгновения, одного вздоха. Это необыкновенное ощущение в душе. Эту строчку надо найти, почувствовать в стихе.

Она есть в каждом хорошем произведении. Это как кнопка, как звоночек – найдете и произносите, произносите, и тогда стихотворение откроется, как занавес, как ворота, как просто дверь, и вы войдете и увидите много больше, чем прочитали. Просто вы войдете в себя, в свое сердце таким образом».

Удивительно, но он почти не работает над стихом, черновик – уже чистовик. Иногда может убрать слово, переставить, но никогда не меняет мысль, тем более изначальный замысел стиха, увиденный и прочувствованный им в первой строке.

Хорошие стихи – это либо дар, либо награда за наработанный жизненный опыт, но все равно поэтом они чаще ощущаются как «незаслуженные, неожиданные, нечаянные». Он добавляет, что это «еще и муки, когда уже не можешь не писать, когда стихи застигают врасплох, просто являются из ниоткуда и стучатся, стучатся, стучатся. Ты бегаешь, ищешь ключи, дергаешь за ручку, пытаешься открыть, просишь подождать, наконец открываешь тетрадь, а там... только записка – мол, заходили и не дождались, извини».

Поэтому ему приходилось писать на песке, на глине и даже гвоздем на кирпичках. Иногда он наговаривал их на диктофон... И все потому, что отказать слову было невозможно, нельзя этого делать, тем более в поэтической строке, такой неповторимой и почти неуловимой. Она «не приходит дважды, ибо она отражает миг, именно мгновение жизни, мгновение, которое невозможно «остановить», и здесь важно его удержать, запечатлеть и сохранить в первой строке.

Стихотворение будет потом, будет позже, но сейчас только строка, зачатие и ритм, только состояние, зародыш и только жизнь, жизнь и жизнь».

Природа стихосложения таинственна и непостижима, непостижима именно тогда, когда это настоящие стихи, а не зарифмованные мысли и рассуждения. Как считает Терентій, «... каждый стих читается и... читается, а вот от настоящего слова, помещенного в нем, тебя всего трясет, и здесь неважно, сочинил ты его, прочитал у кого-то или просто услышал мельком.

Это как свободное падение, а точнее... свободный взлет, и ошибиться в ощущениях здесь просто невозможно».

Быть поэтом – это миссия, это непростая миссия везде, а в России тем более.

Дело в том, что поэзия – это благодарение, благодарение человека Богу за даренное слово, благодарение словом, Слову через слово. Ответственность колоссальная. За каждое «праздное слово» будем отвечать, а уж за «поэтическипраздное» – вдвойне.

Травнік понимает, насколько это серьезно – говорить с людьми на языке поэтическом, на языке «строфы, сошедшей из сердца». Отсюда не только радости, но и искушения, трудности и печали в жизни, как это нередко бывает в судьбе истинного поэта.

Поэтическое слово – это и ноша, которую нельзя просто бросить: она не за плечами, она на сердце, к тому же за «каждое суетное, поверхностное слово тебя рано или поздно настигает печаль – и это творческая данность».

Стихи – это боль,
Стихи – это боль-но,
Но все-таки
хочется их создавать.

Писать стихи – это призвание, а быть поэтом – это не только непростой труд, но и подчас «жизненный крест».

Пишу стихи до слез, до плача,
Иначе не могу писать.

Терентій убежден, что «в своем поэтическом состоянии нужно соответствовать гармонии мироздания, а иначе вся эта неточность будет заметна даже в знаках препинания». Надо стараться писать только о пережитом и прочувствованном.

Может, поэтому Травнік не считает поэзией зарифмованную сатиру и иронию, пошлость, грубость, равно как и притворство.

Не всем, кто рифмует, по силам стихи,
Грызть камень не каждый возьмется...

Поэтическое сознание – это постоянные перегрузки. «Поток входит сильный, а «биология» тормозит, вот и сгорают словотворцы», – поясняет он. Но это не фатально. Как только ты понимаешь, что каждое твое слово звучит, воспевая Человека, звучит во славу Божию, то ноша заметно облегчается».

Что говорить, любое творчество – дело нелегкое, но поэзия особенно. Компромисс в ней неуместен. Именно поэтому она в своей глубинной природе – тотальна. Соединяясь с ней, надо знать и понимать, на что ты идешь. И первый показатель правильности выбранного пути – это не только усталость, но и слухи, сплетни и зависть. Увы, но это всегда сопутствует живому слову поэта.

Коснутся поэта хула с клеветой,
Его обрекут на изгнание,
Но вскоре он в небе звездой путевой
Взойдет, вопреки ожиданиям...

Общаюсь с Терентіем, слушаю его рассказы о творчестве, замечаю, что он мастер устного изложения, мастер рассказа, прекрасно владеет искусством риторики, держит паузу, слышит собеседника и дает ему выразиться. Несмотря на это, я постоянно задаю себе один и тот же вопрос: «Почему? Почему одиночество? Там, где внимание людей, читатели, встречи, – и вдруг одиночество, это маркесовское «одиночество среди людей». Неужели оно аксиоматично для творчества, и в частности – для поэзии? Ведь поэт явственно ощущает Божественное присутствие, но это, видимо, совсем иное, а в миру – одиночество, и иногда даже слишком острое.

«Люди не спасают от него, это экзистенциальное состояние, нажитое собственным поиском, и связано оно только с тобой и больше ни с кем, – отзывается вслед моим размышлениям Травнік. – Вероятно, это результат скорости мысли, наработанной на фоне поэтического восприятия жизни, когда ты наблюдаешь за происходящим вокруг тебя. Когда ты творишь, то все случается быстрее и быстрее, даже мгновеннее, я бы сказал...

Видимо, у поэта эта скорость значительно больше, чем у большинства людей. Вот разбежался, побежал и остался впереди всех... в одиночестве. Назад невозможно, просто нет дороги, да если и была бы, то, думаю, не всякий ею бы воспользовался».

Есть горе от ума, а здесь горе от возможностей и чувствования, хотя различительная грань весьма тонка и прозрачна. Отсюда эта вечная историческая «непонятость», о которой так часто говорят творческие люди. Правда, иногда это манерное, но в большинстве своем так оно и есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.